

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ

Пройти школу мужества в армейском спецназе сегодня мечтают сотни тысяч российских мальчишек. Спецназ Главного разведывательного управления, разведка воздушно-десантных сил — для многих сегодняшних призывников эти словосочетания стали магическими.

РАЗВЕДЧИК ВДВ

Спецподразделения многие называют элитными войсками. Непосвященные считают, что служат там неутомимые супермены, увешанные оружием, которые играючи побеждают многочисленных врагов. Примерно как в кино.

А вот что такое настоящая служба в спецподразделении, без выдумок и фантазий, знают лишь те, кто прошел ее. Один из них — наш земляк Михаил Костюк, в недавнем прошлом разведчик-десантник. Демобилизовался Михаил в 2006 году, за выполнение боевых заданий в Чеченской Республике награжден медалью Суворова.

— Когда пришло мое время призываться в армию, ни у кого из членов нашей семьи даже мысли не возникло, что можно получить отсрочку, — говорит Михаил. — Отец и дед в свое время служили и мне настоятельно посоветовали: около кухни не отираться, а идти в боевую часть. Так я и выбрал службу в элите десантных войск — разведке. По принуждению туда никто не попадает — только добровольно.

Меня вместе с 35 земляками сразу направили в учебное подразделение. На адаптацию к армейским условиям нам дали три дня. А потом — боевая учеба. Месяца не прошло, как начались прыжки с парашютом, еще до присяги.

— Когда прыгали первый раз, «отказники» были? Инструктор в самолете перед прыжком коленом «ускорения» никому не придал?

— Нет. Из тех, кто был со мной в самолете, все прыгнули без «ускорения». Да и мысли отказаться ни у кого не возникало.

Полгода учебки в психологическом плане были самыми сложными. Служба в боевом подразделении казалась легкой. Может быть, потому, что бытовые условия в батальоне лучше, чем в учебке: питание отличное, казарма теплая, спальный кубрик на 16 человек. Эти 16 и составляли боевую группу. Ее командир — офицер. Взводов как таковых в нашем подразделении не было. А по существу ничего не изменилось — те же занятия, те же прыжки. Разведчику-десантнику нужно было многое уметь. Стрельба, рукопашный бой, владение оружием, подрывное дело, медицинская, тактическая и физическая подготовка — уровень навыков по этим дисциплинам в спецподразделениях на порядок выше общевойсковых.

— А кирпичи кулаками разбивали? — спросил я.

— Конечно, только все это для показательных выступлений. В горах ведь крушить кирпичи — без надобности. Там выноси-

вость важнее, — ответил Михаил.

Навыки, полученные во время учебы, рядовому Костюку и его товарищам пригодились позже — в Чеченской Республике. Причем уже тогда — в 2005 году — отправиться из части Московского военного округа в «горячую» командировку солдатам-срочникам не приказывали — предлагали.

— Все мы заключали контракт на пять месяцев, — рассказывает Михаил. — Никто не отказывался. Да и странно, наверное, это было бы: зачем тогда идти служить в элитное подразделение? Чтобы за всю службу и порошу не понюхать?

— Ощущение опасности в командировке не покидало ни на минуту, — сказал Михаил. — На горной тропе случайных встреч не бывает — грибки не ходят. Готовность вступить в бой в любое мгновение — само по себе тяжелое психологическое испытание.

Но эта нагрузка не единственная. Нелегко было и физически. Каждый десантник на боевом задании нес на себе пятидневный запас продуктов и боекомплект с оружием. Мне «повезло» больше других — был ответственным за связь, носил радиостанцию. А она весит 60 килограммов. Связь во время автономного выхода — дело важнейшее. Наша группа небольшая — серьезного и длительного боя мы бы не выдержали. Поэтому моя главная задача — как можно быстрее сообщить на базу об обнаруженном противнике, вызвать подкрепление или направить огонь артиллерии в определенный квадрат. От этого зависела жизнь моих товарищей. Боестолкновения были, но, к счастью, наша группа домой вернулась без потерь.

Часто десантников направляли в горы к тайным складам с оружием и боеприпасами, сделанным боевиками. Эти схроны

обнаруживали при помощи современной разведтехники, установленной на вертолетах.

Как правило, в задачу боевой группы входило лишь уточнение координат смертоносных складов. Уничтожала же их артиллерия.

— Почему сами не подрывали? Проще ведь, — спросил я.

— Много взрывчатки с собой в горы мы не могли брать — был лишь небольшой запас, на крайний случай. Например, однажды обнаружили врытую по крышу в землю кабину ЗИЛа. Кабина доверху была наполнена патронами и снарядами разного калибра. Взрывали сами, потому что место для артиллерии было недоступное.

Пятидневное дежурство на точке в горах — тоже не сахар. Ночью температура воздуха — около нуля, днем — плюс 30. В оборудованных окопах-двойках бойцы спали по очереди. Питание — только сухим пайком. Раз-

водить огонь нельзя. Даже спичек с собой не брали. О сигаретах и речи не было — строжайший запрет. Появление в светлое время суток на открытых местах опасно для жизни. Горы лишь на первый взгляд безлюдны. Снайпер боевой группы десантников-разведчиков регулярно докладывал командиру о появлении боевиков — через мощную оптику винтовки силуэты людей хорошо видны даже на большом расстоянии.

Был и ближний бой, когда группа, в которой служил Михаил Костюк, дежурила на точке в горах. Однажды под вечер сработала сигнальная ракета на «растяжке», которую разведчики установили недалеко от своей позиции на тропе. Стрельба с обеих сторон началась через секунду. Продолжалась все недолго, но огонь был очень плотным.

— Когда все стихло, мы осмотрели местность. Боевики отступили. Но преследовать их мы не стали — опасно. Солнце садилось, видимость плохая, легко можно было самим на «растяжке» подорваться, — рассказывал Михаил.

Результаты действия этого нехитрого взрывного устройства он видел. В соседнем подразделении осколки гранаты поразили двух разведчиков. Одного из них — насмерть.

— Родители знали о твоей чеченской командировке? — задаю еще один вопрос бывшему разведчику.

— Да, я им сообщил. Связь с родными поддерживал постоянно — звонил по телефону. Нам предоставляли такую возможность. Конечно, дома все переживали за меня. Мама однажды сама на базу дозвонилась. Увидела что-то по телевизору и разволновалась. Я успокоил: ЧП было не в нашем районе.

— Командировка закончилась, и что потом? Возвратившись в часть, «расслабились»?

— Ничего подобного. Занятия, заступление в наряд, караул... Служба шла своим чередом. Легче не стало. Нагрузки с первого до последнего дня в армии были почти предельными. Десантнику-разведчику форму терять нельзя. Всегда нужно быть готовым к реальному бою. И физически, и психологически.

— После твоей демобилизации прошло полтора года. Службу вспоминаешь? — задал я ему последний вопрос.

— Даже во сне снится, что снова призвали, — улыбнулся Михаил. — А если серьезно, два года службы не прошли зря. Уверен, что без уроков армейской школы нельзя стать настоящим мужчиной, главой семьи, защитником. Сейчас срок службы по призыву сократили до одного года. Говорят, после этого и количество желающих пройти срочную службу резко увеличилось. А я понять не могу, как можно освоить военную специальность за такой короткий срок! Настоящим разведчиком ВДВ уж точно не станешь. Я, например, не могу утверждать, что за два года все премудрости освоил. Впрочем, сейчас такие подразделения переводят на комплектование контрактниками. Наверное, это правильно.

Андрей ПОМЕЛЬНИКОВ.
Фото Андрея САСИНА.